

Заробѣлъ.

(Разсказъ).

Иванъ Андреичъ Краснорядцевъ и Акимъ Ивановъ Могильниковъ были большіе знакомые. Часто они встрѣча-

лись и всегда вели другъ съ другомъ долгія задушевныя бесѣды. Какъ они сошлись, что общаго было у нихъ,—трудно сказать; но знакомство у нихъ было давнее.

Иванъ Андреичъ былъ богатый купецъ, ѣздившій съ краснымъ товаромъ по селамъ и деревнямъ. Большой, слабый и хилый въ свои молодые годы, онъ всегда склоненъ былъ поговорить о божественномъ и отличался набожностью въ своемъ родѣ. Впрочемъ, Иванъ Андреичъ позволялъ себѣ и удовольствія грѣшнаго міра. И все это у него какъ-то перемѣшивалось.

Бывало, сидитъ онъ на прилавкѣ въ красныхъ рядахъ лѣтомъ и читаетъ либо евангеліе, либо молитвенникъ. Покупателей нѣтъ. Прикашики лежатъ тоже на прилавкахъ и дремлютъ. Иванъ Андреичъ откладываетъ книгу.

— Ребята!... Давайте въ дураки играть, приглашаетъ онъ, вытаскивая изъ кармана карты. И начинается игра.

— Иванъ Андреичъ, вы не такъ съ покрыли, замѣчаетъ прикашикъ.

— Ахъ, прости Господи, не разобралъ,—ей—ей, не разобралъ, лукавить и извиняется Иванъ Андреичъ.

Иногда Иванъ Андреичъ игралъ затѣмъ лишь, чтобы не дремали его ребята. Поиграетъ и опять примется за божественную книгу.

Выветъ Иванъ Андреичъ табакерку, набьетъ въ носъ табаку и перекрестится. Потомъ начнетъ чихать и опять крестится.

Конечно, за все это развѣ можно осуждать Ивана Андреича? Кто же изъ насъ не мѣшаетъ доброе съ плохимъ и плохое съ добрымъ, святое съ грѣшнымъ и наоборотъ? Въ жизни всего много—и не то еще случается.

Скупенекъ былъ еще Иванъ Андреичъ, но скупость не глупость, а въ общемъ онъ былъ весьма хорошій человекъ.

Авямъ Иванычъ также былъ очень хорошій человекъ. Чѣмъ онъ занимался,—Богъ его вѣдаетъ. Только на базарахъ

онъ бывалъ часто. Онъ былъ всегдашній молоканинъ и любилъ свое молоканство. По молоканскому обычаю онъ любилъ потолковать отъ писанія, молоканство свое превозносилъ, а иногда и не прочь былъ заманить въ него кого-либо изъ знакомыхъ православныхъ, хотя положительно не имѣлъ въ этомъ успѣха. Писаніе онъ зналъ, вѣроятно, больше по наслыху, такъ какъ грамотѣй онъ былъ куда плохой.

Но какъ ни строгъ былъ въ своемъ молоканствѣ Акимъ Иванычъ, а грѣшки въ своемъ родѣ и у него случались.

Бывало, подойдетъ онъ къ Ивану Андреичу, а тотъ въ карты съ ребятами играетъ, и смотритъ къ нему въ карты.

— Вы бы, Иванъ Андреичъ, тройку-то съвозыремъ пошли, скажетъ Акимъ Иванычъ, а то вѣдь, пожалуй, дуракомъ останетесь.

— Ничего, ничего, Акимъ Иванычъ, такъ фально, скажетъ Иванъ Андреичъ,

— А вы развѣ умѣете играть въ карты-то? Кажись, могутъ играть.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это я такъ, что бы вы, Иванъ Андреичъ поскорѣе игру окончили.

— Ну, ну... соглашается Иванъ Андреичъ и уже больше не играетъ, а начинаетъ бесѣдовать съ Акимомъ Иванычемъ.

Бесѣда затягивается. О чемъ, о чемъ только ни говорятъ собесѣдники—и о базарахъ, и красномъ товарѣ, и цѣнахъ на хлѣбъ, и прикащикахъ и о всемъ другомъ. Наконецъ, доходятъ и до вѣры. Тутъ Акимъ Иванычъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и превозноситъ свое молоканство до послѣднихъ возможныхъ границъ высоты его.

— Не плохо было бы и вамъ, Иванъ Андреичъ, въ нашу вѣру взойти, какъ-то сладко и умилительно прибавляетъ Акимъ Иванычъ и дѣлаетъ блаженную улыбку.

— Что вы, Акимъ Иванычъ, съ ума что ли сошли? Иванъ Андреичъ крестится.—Своей вѣрой—то уже еще кого попет-

чуйте, а я ужъ о ней сто разъ отъ васъ слыхалъ! Никогда этому не бывать — онъ снова крестится, — слышите, не бывать, Акимъ Иванычъ!.. И Иванъ Андреичъ дѣлается сердитымъ.

— Да вы, Иванъ Андреичъ, не сердчайте! Развѣ можно тутъ сердиться? Это я такъ, къ слову сказать, оправдывается Акимъ Иванычъ.

— Я и не сержусь, я только на своей вѣрѣ стою, — вотъ и все тутъ. Спаси меня, Господи! И Иванъ Андреичъ при этомъ набожно снова крестится.

— Ребята! Давайте чаю! Мы съ Акимъ Иванычемъ маленько позабавимся чайкомъ — то. А то, чего добраго, пожалуй, окрестить меня въ свою вѣру. И Иванъ Андреичъ благодушно смѣялся.

— Ха... ха .. ха!.. Какой. вы затѣйникъ, Акимъ Иванычъ! Ха... ха!..

— Ну, полно, полно вамъ, Иванъ Андреичъ! Не смѣйтесь!.. упрасивалъ Акимъ Иванычъ Но вотъ появлялся кипятокъ въ чайникахъ, разставлялись чашки, разливался чай, нарѣзывалась ветчина. Обычно, передъ чаемъ закусывали ветчину. Какъ-то и Акимъ Иванычъ позволилъ себѣ удовольствіе закусить ветчинки передъ чаемъ.

— Ахъ, какъ славная штука, замѣтилъ онъ, глотая съ удовольствіемъ кусочки ветчины. Если бы онъ не сказалъ этого, можетъ никто бы и не замѣтилъ, что Акимъ Иванычъ ветчину кушаетъ.

— Акимъ Иванычъ! Ухмылясь, заговорилъ Иванъ Андреичъ. Сталь — быть во вся понѣ?

— Што во вся? — неудомѣвалъ тотъ.

— Да на счетъ ветчины-то?..

— Ну, што же?

— Да вѣдь нешто ветчина не свичина?

И Иванъ Андреичъ при этомъ лукаво улыбнулся.

Акимъ Иванычъ покраснѣлъ.

— У Акима Иваныча вонъ — съ всеѣдная недѣля — съ подстрекнуть кто-то изъ прикащиковъ.

Послышался общій смѣхъ и хихиканье...

— Охъ, искушенье! Вотъ искушенье-то! Ошибся, прости Господи! Какъ же это такъ я ошибся? Ахъ, я вѣдь думалъ, что это простая говядина.. Анъ нѣтъ... оправдывался и разсуждалъ Акимъ Иванычъ.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь! Ошибка въ фальшь не ставится. Ветчина эта-не опасная. Она вѣдь не изъ Гадаринскаго озера... Своєво-съ домашняго прѣготовленья... многозначительно говорилъ Иванъ Андреичъ.

Акимъ Иванычъ опять краснѣлъ, но скоро это происшествіе забывалось. Начиналось долгое чаепитіе и шла пространная бесѣда на всякую злобу дня. Въ концѣ концовъ у собесѣдниковъ выступалъ на лицѣ обильный потъ и они тяжело дышали...

Какъ-то разъ предъ святками запоздалъ Иванъ Андреичъ на базарѣ. Прикащики съ товаромъ давно уже уѣхали въ сосѣднее село тоже на базаръ. Приходилось ѣхать поздно вечеромъ. До сосѣднаго базарнаго села было верстъ двѣнадцать. На счастье Ивана Андреича и Акиму Иванычу тоже нужно было ѣхать на тотъ же базаръ. Иванъ Андреичъ на этотъ разъ пригласилъ послѣднаго ѣхать вмѣстѣ. И они поѣхали. Ъдутъ и по своему обычаю бесѣдуютъ. Ъдутъ медленно. Дорога была плохая, и скорѣе ѣхать было нельзя. А ужъ совсѣмъ стало темно. Ничего не видно впереди. Даже звѣзды на небѣ не видно, и оно покрылось темными и густыми облаками. Потянуль довольно сильный вѣтерокъ, зловѣщій свистъ котораго все усиливался и усиливался; все предвѣщало сильную свѣжнюю бурю, — и жутко стало одинокимъ спутникамъ.

Иванъ Андреичъ поглубже надѣлъ свою шапку, покрѣче подпоясалъ свой теплый армякъ и сталъ понукать лошадь. Оньпостоянно крестился. Акимъ Иванычъ также понадвинуль

шапку и одѣлъ свою дорожную чуйку. Но бесѣду они не прекращали, хотя больше всего говорилъ Акимъ Иванычъ. По своему обычаю онъ пустился опять толковать о своей молоканской вѣрѣ, рассказывалъ о своихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, объ ихъ молоканской твердости, не преминулъ сказать и о себѣ, что онъ такъ же, какъ и они, крѣпко стоитъ на своей вѣрѣ и любить ее до крайности. Онъ говорилъ такъ неумолкаемо, что, казалось, хотѣлъ этимъ отогнать отъ себя весь ужасъ начинающейся бури.

Иванъ Андреичъ все больше и больше крестился. Онъ больше молчалъ. Скажетъ одно, два—три слова и опять замолчитъ. Только когда Акимъ Иванычъ приходилъ въ азартъ отъ своего молоканства, Иванъ Андреичъ какъ бы очнется отъ своего молчанія, перекрестится и скажетъ:

— Перестаньте ужъ, Акимъ Иванычъ! Гдѣ ужъ вашимъ молоканскимъ старикамъ до нашихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ? Всему свѣту извѣстны они. Помилуй, насъ, Господи, по молитвамъ ихъ, крестится Иванъ Андреичъ. Житія ихъ въ книгахъ писаны... А про вашихъ—то кто писалъ и кто ихъ знаетъ, кромѣ васъ. Да и вы, почитай, не всё знаете? А нашъ Николай Угодникъ всему міру извѣстенъ. Татары—и тѣ—на што бусурманы,—а съ уваженіемъ къ нему относятся. Нѣтъ, ужъ вы не говорите про своихъ—то!

— Вотъ ужъ вы всегда такъ, Иванъ Андреичъ! Правильныхъ людей ни во што ставите. Они, чать, на писаньи стояли. Нѣтъ-съ, я за своихъ и на своей вѣрѣ всегда противъ васъ постою, обидчиво перебивалъ Акимъ Иванычъ.

А буря ужъ разразилась со всей силой. Снѣжный вихрь крутилъ и замѣталъ дорогу; слѣпилъ глаза и уши сѣдоковъ и лошадей, которыя съ большимъ трудомъ тащились впередъ, нащупывая осторожно дорогу.

Иванъ Андреичъ теперь ужъ не переставалъ креститься. Вдругъ налетѣлъ страшный порывъ вѣтра; въ полѣ послышался какой то особенный свистъ и зловѣщій шумъ и какъ

бы цѣлый столбъ снѣга съ страшной силой и быстротой зарушился въ степи, захватывая и унося съ собой все встрѣчающееся по пути. Наши путники съ ужасомъ смотрѣли впередъ и ждали, что, вотъ—вотъ сейчасъ этотъ страшный столбъ ударится о нихъ, захватитъ ихъ съ собой и понесетъ невѣдомо куда. Минута была ужасная. Но вотъ страшный столбъ съ неимоверной быстротой и силой, пронесся дальше, коснувшись легонько только лошадей. Лошади спотыкнулись. Иванъ Андреичъ дрожалъ и крестился. Опомнися, посмотреть и не вѣрить онъ. Акимъ Иванычъ крестится... Какъ ни испугался Иванъ Андреичъ, а всетаки почему—то нашелся замѣтить своему сопутнику.

— Акимъ Иванычъ! Да развѣ молokane-то крестятся?

— Простите Иванъ Андреичъ! Заробѣлъ!.. очень заробѣлъ!.. Ей Богу, заробѣлъ... лепеталъ блѣдный и испуганный Акимъ Иванычъ, едва-едва преводившій дыханіе и говорившій слабымъ упавшимъ голосомъ.

— Ну, не божитесь, и безъ того вѣрю, сказала Иванъ Андреичъ. Я и ребятамъ не приказываю божиться.

— Я ничего—это я такъ, заробѣлъ больно... оправдывался все еще не успокоившійся Акимъ Иванычъ.

Скоро буря утихла. Небо очистилось, и яркія звѣзды заблестали на немъ. Стало прохладно. Черезъ часъ Иванъ Андреичъ и Акимъ Иванычъ, совсѣмъ оправившись, съ наслажденіемъ пили приготовленный имъ прикащиками на постояломъ дворѣ чай.

— Буря-то, Акимъ Иванычъ, совсѣмъ было обратила васъ въ православіе, шутилъ за чаемъ Иванъ Андреичъ.

— Охота вамъ, Иванъ Андреичъ, донимать меня! Я и теперь въ себя не приду, говорилъ Акимъ Иванычъ.

— Пора-пора бы въ себя придти,—многозначительно и ужъ совершенно серьезно замѣчалъ Иванъ Андреичъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много-много лѣтъ. Акимъ Иванычъ давно лежитъ въ землѣ. А Иванъ Андреичъ сталъ уже глубокимъ сѣдымъ старикомъ и съ краснымъ товаромъ давно не ѣздитъ. Онъ всегда вспоминаетъ Акима Иваныча, когда зайдетъ рѣчь о молоканахъ.

— Ужъ мнѣ-то про нихъ не рассказывайте! Довольно знаю ихъ... И расскажетъ при этомъ свое давнее знакомство съ Акимомъ Иванычемъ.

С. Н. Р.
